

И.И. Муллонен

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АТЛАС КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2006 году в ИЯЛИ начат пилотный проект по созданию топонимического атласа Карелии. Проект рассчитан на три года, итогом работы должен стать свод из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимных моделей территории Карелии. Каждая карта будет сопровождаться комментарием, в котором будет предложен анализ выявленных ареалов (изоглоссы, характер взаимного расположения объектов с выявленными моделями названия, центры и периферии ареалов, их наложение и др.). Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

В практике ономастического исследования картографирование отдельных топонимных моделей нередко, однако создание атласов, позволяющих не только продемонстрировать целый комплекс фактов, но и их взаимосвязи, ареальное наложение и оппозиции, устойчивость ареальных границ, центры инноваций, не получило распространения. Между тем оно дает в руки исследователей новые возможности для понимания этноязыковых и историко-культурных процессов, адаптационных механизмов.

Выполнение проекта на первом этапе было сопряжено с решением двух принципиально важных проблем: во-первых, создание карты-основы и обозначение общих границ территории картографирования, во-вторых, критерии отбора материала. Известно, что на протяжении всего второго тысячелетия территориальные рамки Карелии менялись. В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 года. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губернии, а также Кемского уезда Архангельской губернии, в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих прибалтийско-финских

(карельских и вепских) и русских топонимных типов. При этом территория обследования выходит за обозначенные границы на запад, захватывая приграничные районы восточной Финляндии, чрезвычайно показательные с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепских, а также прасаамских топонимных ареалов. Подготовка карты-основы тесно связана с вопросом о выборе территориальной единицы для картографирования. В качестве таковой может применительно к поздним и массовым топонимным моделям выступать волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. Положительная сторона избранного подхода состоит и в том, что значительная часть полевого и архивного, а также опубликованного в разного рода письменных источниках материала отражает ситуацию рубежа XIX-XX столетий и начала XX века – времени существования волостей. С другой стороны, хронологически ранние, а также редкие модели целесообразно отражать вне зависимости от волостных границ. Для них показательное расположение относительно водоемов, транзитных водных и водно-волоковых путей, водоразделов. Исходя из этих исходных положений, с помощью специалистов отдела ГИС Петрозаводского государственного университета подготовлена электронная карта-основа, включающая два элемента. Это, во-первых, основные водные объекты (реки, крупные озера), служившие дорогами для освоения территории в древности и средневековье, сформировавшими систему традиционного расселения и границы историко-культурных зон. Во-вторых, это административное членение, при этом за основу взято традиционное волостное деление первой половины XX века. В отличие от современного, оно более адекватно отражает традиционную культурно-историческую ситуацию в Карелии. Заполнение карты производится с использованием программы MapInfo.

Второй круг проблем связан с критериями отбора материала для картографирования. Понятно, что не любой топоним может быть использован в целях этноисторического и языкового анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были

популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию возможно извлечь и из т.н. ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается различными языковыми коллективами посвоему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство»: топоосновы со значением ‘путь, дорога, волок’, ‘граница, край’, ‘поселение’, а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища и др.

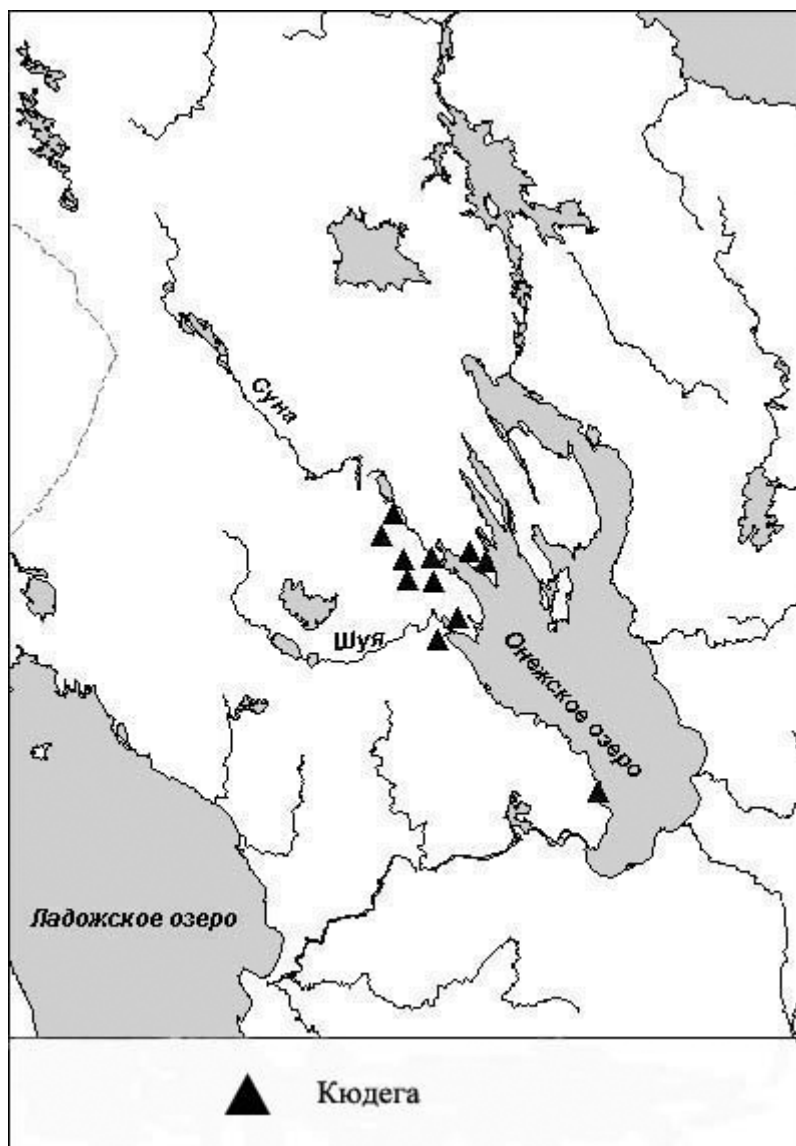
В настоящее время сформирован основной корпус источников материала для Атласа, в котором главная роль отведена Картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей. Планомерный сбор топонимии ведется ИЯЛИ КарНЦ РАН с 1970-х годов, накоплена одна из лучших на Северо-Западе России топонимических картотек. При этом последние 15 лет сбор географических названий ведется с использованием крупномасштабных топографических карт, что позволило активно и с хорошими результатами привлекать ареальную методику в исследовательской работе. В течение нескольких последних лет при поддержке РГНФ ведется создание географической информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», в ходе которой создаваемая на основе картотеки база данных последовательно связывается с электронной картой. Это позволяет проводить всесторонний ареальный анализ материала. Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкой губернской палаты государственного имущества, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), Российского государственного исторического архива (плановый архив Министерства земледелия), Государственного архива Архангельской области (материалы фонда 6 Архангельского губернского правления, включающие более 6300 топо-

нимов, 1876 г.), а также картографические и опубликованные источники. В настоящее время картотека имеющихся в распоряжении коллектива топонимов включает более 300 тысяч единиц. Выявлен список перспективных для картографирования топооснов и формантов, включающий около 50 единиц.

Далее будет представлен ряд карт с соответствующими комментариями.

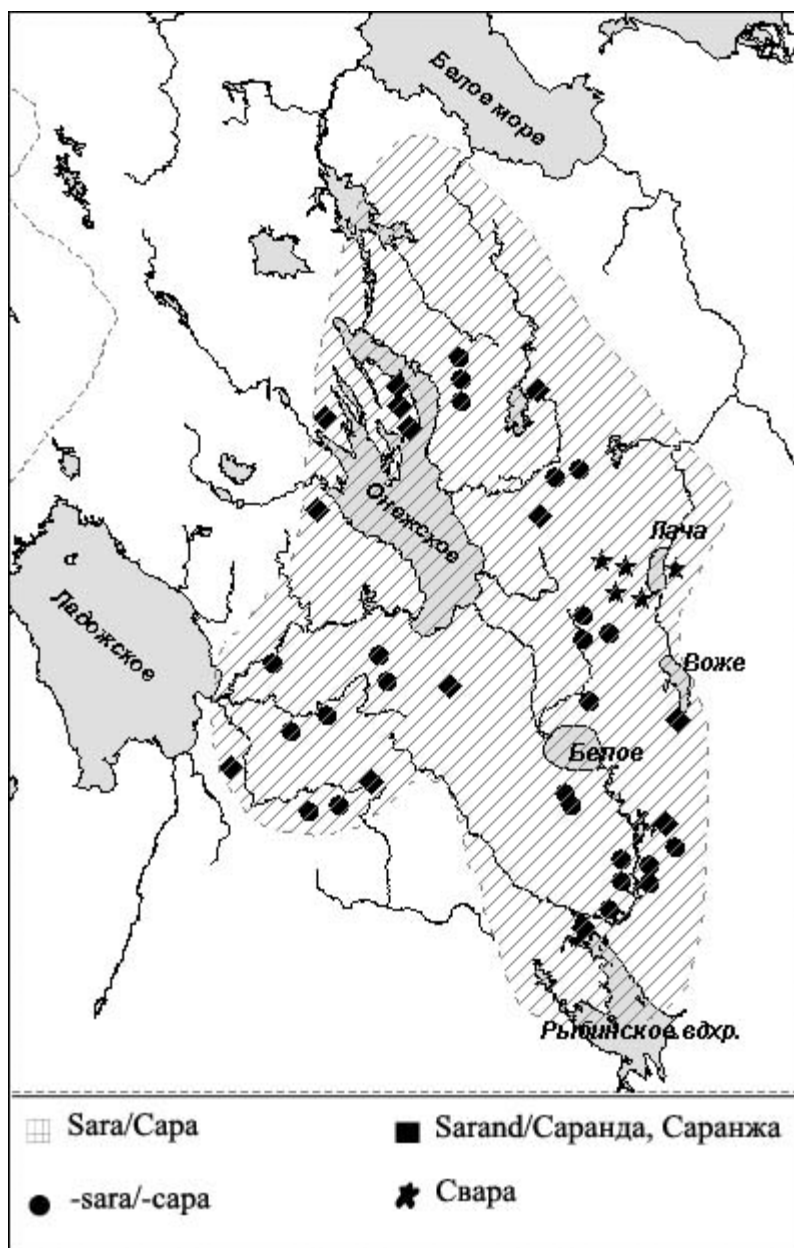
Карта 1. На первой карте предложена локальная модель *Kydeg, вписывающаяся в исторические границы северолудиковского языкового ареала. В нашей картотеке всего 11 фиксаций данной топоосновы – часть из современных лудиковских поселений: *Küdög* (Гомсельга Конд); *Küdöine* (Спасская Губа Конд); *Küdönnurmed* (Мунозеро Конд), *Küdežma* (Восточное Кончезеро Конд), другие со смежной русской территории: *Кюдега* (Лехнаволок Прион); *Кюдега* (Сулажгора Прион); *Кюдега* (Янишполе Конд); *Кюдежка* (Паднаволок Конд); *Кюдега* (Мартнаволок Конд); *Гюдегские покосы* или *Тюдегские покосы* на *Тюдегском болоте* (Гангозеро Конд); *Тюдеги* или *Чудеги* (Новинка Конд). Топоним закрепился в названиях болотистых сенокосных угодий. Помимо того, что топооснова позволяет очертить исторический ареал расселения северных лудиков, она еще и сохранила до наших дней утраченный из живой языковой практики, не зафиксированный ни одним словарем лудиковский термин подсечного земледелия *kydeg, закономерное производное от прибалтийско-финской глагольной основы *kyte-* (луд. *küde-*) ‘тлеть, медленно гореть’. Термин входил в круг терминологии подсечного земледелия и обозначал сельскохозяйственный участок, получаемый в результате выжигания болотистого участка. Исходя из локального ареала модели, можно предполагать ее поздние корни.

Интересно, что термин в виде *тюдeгa* зафиксирован в русских говорах Прионежья на смежной с лудиковской территории. С.А. Мызников возводит его к кар.сев. *tüveus* ‘край пожоги’, вепс.южн. *tüveduz* ‘край ложбины, подсеки’ [Мызников 2004: 170]. В действительности *тюдeгa* является закономерным севернорусским фонетическим вариантом *кюдeгa*, которая, в свою очередь, восходит к реконструированному выше лудиковскому *küdeg.

За пределами исторической северолудиковской территории у северных вепсов найден топоним *Kütež* – название покоса у края леса и болота (Каскесручей Прион). Есть основания – и собственно языковые, и ландшафтно-географические – считать его по образованию идентичным лудиковскому, с той лишь разницей, что глагольная основа (вепс. *küdoda* ‘тлеть’) породила не вполне закономерное производное: исторически отглагольные имена с основой на -e- оформлялись, как известно, суффиксом -ek, в то время как имена с конечным -ez (> -eh) не имеют выраженной отглагольной основы. Однако в финских говорах под воздействием законов аналогии смешение двух типов (на -k и на -s) произошло к XVIII веку [Ruoppila 1974:50]. Подобный процесс мог затронуть и вепские говоры. Надо принять во внимание и возможное влияние модели отглагольных имен на -ez: *palatez* ‘гарь’ (*palada* ‘гореть’), *puutatez* ‘ожог’ (*puutta* ‘жечь’). Установить ареальную связь вепского топонима с северолудиковской моделью затруднительно, хотя стоит отметить, что на остальной вепской территории модель не реализовалась. Не ясно, можно ли предполагать некое опосредованное карельское воздействие на рождение топонима (и с ним связать некоторую фонетическую «неправильность»), которое известно по ряду других примеров в топонимии северных вепсов.

Карта 2. На карте 2 показано бытование в Карелии и ее окрестностях топонимной модели *sara/sara*, которая неоднократно упоминается в работах по топонимии российского северо-запада, но ее ареал специально не анализировался. Данная карта свидетельствует о значительной продуктивности топоосновы в ареале современного и бывшего вепского расселения. По-всей видимости, есть основания утверждать, что слово использовалось в недавнем прошлом в вепском языке в качестве географического термина и обозначало небольшую реку, приток (ответвление) более крупной реки. На это обстоятельство указывает использование слова в качестве детерминанта сложных по структуре речных наименований. В соответствие с прибалтийско-финской моделью названия детерминант сложных названий несет в себе указание на тип называемого географического объекта. На карте выделены топонимы, в которых использован детерминант -sara: бассейне Свири *Ленсарь*,

Поисара, Ранцера, Куйсара, Кондисара, Сигосарь, Лепсара. В бассейне Кемы в Вологодской области есть *Лупсорка, Янсора, Вотсара, Янсорка, Чемсора.* Отсюда на север на восточном берегу Онежского озера расположены *Анусара, Габсара.* На узком участке от Белого озера до Рыбинского водохранилища зафиксированы *Чимсора, Янгосорка, Чебсора, Лапсара, Кучесара, Урусарка, Самсара, Казара, Кумсара, Улозара, Лапсарь.* Можно добавить несколько разрозненных далеких восточных примеров: *Индосарь* в бассейне р. Вотчи, *Пялосарь*, приток Тарноги, *Сосера*, приток Чужги. Наиболее активное скопление находится на территории, непосредственно примыкающей к районам современного вепсского расселения и бывшей в относительно недалеком прошлом вепсской, что позволяет предполагать вепсское прошлое термина. Правда, есть еще одно скопление, которое трудно напрямую связать с вепским наследием, имеется в виду гнездо названий на северном берегу Рыбинского водохранилища.

Выделяется также группа топонимов, в которых, как нам представляется, использован географический термин, образованный от основы *-sar(a)* при помощи прибалтийско-финского суффикса *-nta* (вепс. *-nd*), который используется для образования ландшафтной терминологии (подобный выраженному словообразовательной основой). В силу фонетических закономерностей *-nd* способно перейти в *-nž-*, поэтому логично рассматривать в одном ряду топонимы *Sarand/Saranž*, которая восходит к реконструированному вепсскому термину **sarand* ‘разветвление, место соединения двух рек’ [Муллонен 2002]. Семантика подтверждается тем, что топонимная основа последовательно используется применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой: развилка, росоха, боковое ответвление озера или реки. Среди убедительных примеров р. *Саранжа* в Ленинградской области, образованная слиянием рек Тутока и Ретеша. В Заонежье основа представлена в наименованиях ручьев, воспринимаемых как ответвление более крупной реки, или урочищ, расположенных при слиянии рек и ручьев: река *Саранжа* является притоком реки Царевки (Толв), при этом в месте впадения находится сенокосное урочище под названием *Саранжа*. Другая река под названием *Саранжа*, известная также как река Рудница, впадает в Тамбицу (Типин), а место

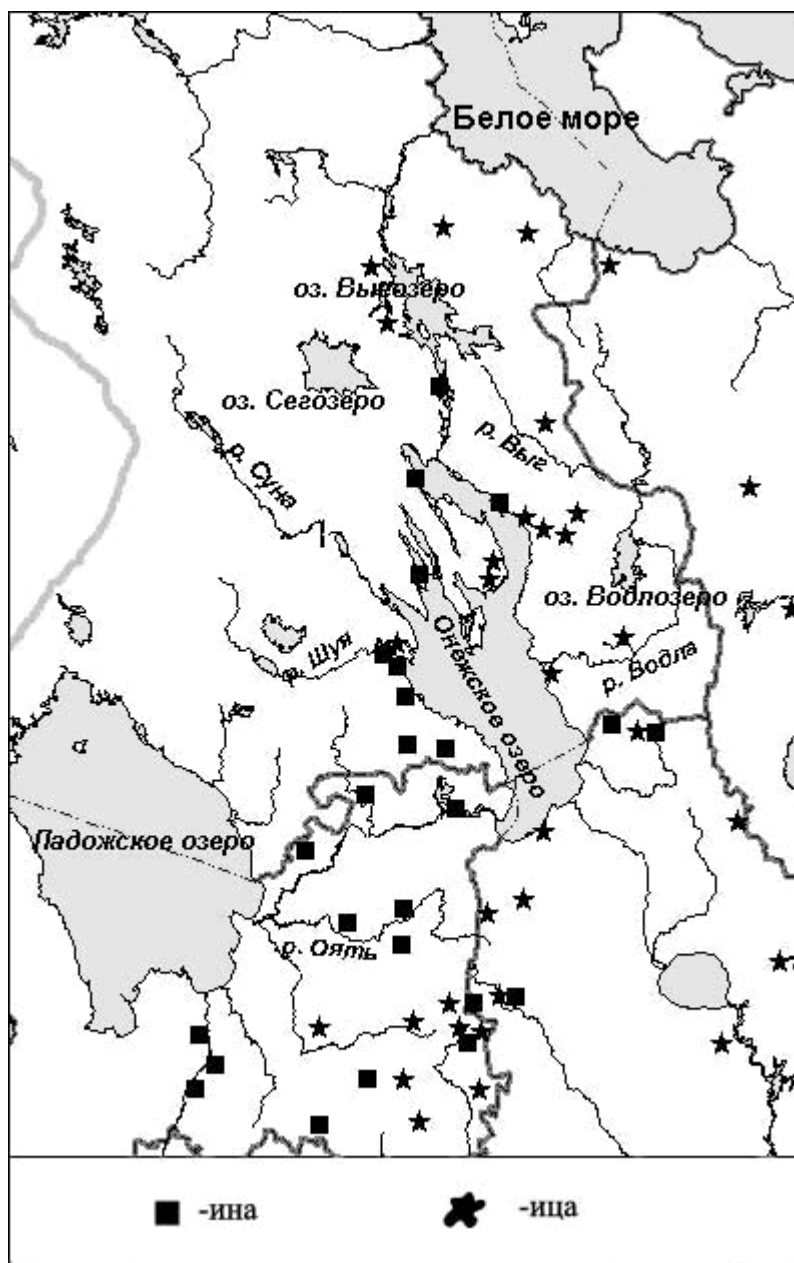
впадения маркировано названием *Шары*. Последнее надо, видимо, рассматривать как карельский вариант вепсской топоосновы. В зоненежском Вырозере угодье под названием *Саранджа* располагается в месте впадения в Калейручей притока.

Наконец намечается еще одна группа: на границе Вологодской и Архангельской областей группа топонимов о основе *Свара*, которая, не исключено, возникла в результате карельского усвоения условно вепсской модели: реки *Часвара* в районе Шалакуши, *Свара* правый приток реки Ковжи, *Свара* левый приток реки Поржалы, река *Свара* из *Сварозера* в бассейне реки Тегры. Идею о карельских истоках *Свары* последним высказал Янне Саарикиви, связавший ее с карел. *suara* 'haaga', до него подобное объяснение встречается в работах А.К. Матвеева. В этом районе есть и другие признаки «карельскости» (ср. оз. *Карельское* и река *Карелка*, а также некоторые карельские дифференцирующие модели названия в здешней топонимии). Вряд ли можно предполагать, что пришлое карельское население принесло данную модель названия с собой: во-первых, она не была особенно продуктивной в карельской среде, во-вторых, модель *Свара* представлена в ареале активного бытования *Сара*, так что речь должна, скорее всего, идти, о карельском освоении местной модели с вепскими стоками. Правда, в этой ситуации встает вопрос о появлении дифтонга *-oa-* или *-ia-*, преобразовавшегося в *-ва-* в ходе русского освоения. Дифтонг родился из долгой гласной. Встает вопрос: существовала ли на момент карельской адаптации в оригинальном вепском названии долгая гласная или сработало то, что в карельском бытует лексема *suara*, которая проникла в незначительной степени и в топонимию?

При всех вопросах вырисовывающийся ареал может быть охарактеризован все-таки как вепсский. Он наиболее насыщен на территории современного и относительно недавнего вепсского расселения, в том числе на восточном берегу Онежского озера и в целом в Обонежье. Есть единичные фиксации в Поморье, которые могут быть связаны с вепским проникновением из Водлозерья, а также Обонежья. Карта свидетельствует об отсутствии модели в карельской Карелии. Нельзя, конечно, исключать, что какие-то из фиксаций на карельской территории не попали в поле нашего зрения, однако в целом, видимо, следует признать для Карелии

модель вепсской. Ее ареал повторяет ареал ряда других вепсских топонимных моделей Карелии, тяготеющих к Онежскому озеру. Правда, бросается в глаза ее практически полное отсутствие на Онежско-Ладожском перешейке, в ливвиковско-людиковском языковом ареале, который сформировался в ходе вепско-карельского контактирования и должен был бы содержать искомую вепскую модель. Может ли данное обстоятельство свидетельствовать в пользу поздних истоков вепсской модели, т.е. она могла получить продуктивность уже после начавшейся карелизации перешейка?

Карта 3. Из теории ономастики известно, что топонимия обладает определенным, довольно ограниченным набором суффиксов, а каждый суффикс – своим ареалом. Поэтому суффиксальные модели обладают большой верифицирующей силой. На карте 3 представлена ареальная оппозиция двух русских речных суффиксальных моделей Обонежья: названия рек с формантом *-ина* (*Ивина, Важина, Неглинка, Марина, Остречина, Чебина* и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом *-ица* (*Шалица, Тамбица, Возрица, Падрица, Рагбица, Ухтица, Ялмица, Сторонница, Быстрица*) вдоль восточного. Это противостояние не ограничивается северным Обонежьем. Оно носит довольно четкий характер в Присвирье и юго-западном Обонежье: *-ина* господствует в Присвирье, в то время как *-ица* обходит Присвирье с юга и востока. Модель *-ица* представлена несколькими названиями на южной границе Присвирья и проникла туда, видимо, из Тихвина и составляет с окрестностями последнего единый локальный ареал. Что же касается речных наименований с формантом *-ина*, то есть основания полагать, что они проникли на Свирь с Волхова. Формант *-ица* довольно густо покрывает бассейн реки Онеги, известен в Белозерье, так что восточное побережье Онежского озера оказывается не сугубо обонежской, но более значимой границей. На карте видно, что позиции модели *-ица* сильны и в Поморье, в то время как модель *-ина* сходит здесь на нет. В данном случае топонимический материал согласуется с этнографическим, свидетельствующим о прочных связях с восточным Обонежьем, например, Водлозерьем [см. подробнее Логинов 2006]. При этом модель не проникла на Карельский берег Белого моря,

а известна лишь на Поморском берегу, отличающемся традиционно сильным русским воздействием. На восточном побережье Онежского озера есть только одно речное наименование, оформленное суффиксом -ина. Это р. *Немина*, в устье которой стоял известный по письменным свидетельствам Челмужский погост, возникший на пути из Заонежья в Беломорье, в конце того водно-волокового пути, который пересекал Заонежский полуостров. Он начинался на западном побережье, маркированном речными наименованиями с формантом -ина, и именно в Челмужах выходил на восточное. Так что название реки Немина – естественное продолжение/завершение на востоке ареала -ина. В свою очередь, появление на юго-восточной окраине Заонежского полуострова двух речных наименований с конечным элементом -ица (*Тамбица*, *Нулица*) отражает проникновение модели -ица через Заонежский залив Онежского озера на запад. За ареальной дистрибуцией -ина/-ица стоят, очевидно, несколько разные потоки восточнославянского населения. Данный ареальный контекст важен и для того, чтобы высветить тяготение восточной части Заонежского полуострова к восточному Обонежью. Данный факт оказывается существенным в контексте деления русских говоров Заонежья на западные и восточные, известном еще со времен А.А. Шахматова, но не получившем убедительного объяснения. Он подтверждает факт существования двух магистральных водных путей в освоении Заонежского полуострова, которые и сформировали здесь две языковые, а по некоторым данным и культурные зоны [Муллонен 2005].

Представленные выше гидронимные модели сформировались далеко за юго-западными пределами Заонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния.

ЛИТЕРАТУРА

Логинов 2006 – Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И.И. Об одной диалектной границе в Заонежье // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 208-215.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Ruoppila 1974 – Ruoppila V. Suomen kielen historian luennot. Helsinki, 1974.

